

Спустя несколько дней Чжан Жоюань наконец пришел в себя.

Однако, очнувшись, он целыми днями лишь прислонялся к стенке тюремной повозки, закрыв глаза, и не произносил ни слова.

Ван Чанцзинь в пути заботился о нем с предельной тщательностью, но господин оставался в подавленном состоянии и ел совсем понемногу. Всякий раз, пытаясь накормить его, Ван Чанцзинь чувствовал, как сжимается сердце: господин только оправился от тяжелой болезни, если он не будет нормально питаться и снова слежет, что тогда делать?

К счастью, путь прошел благополучно, и полгода спустя они наконец добрались до места ссылки — Наньлина.

Наньлин располагался на самом юге Династии Даянь, на землях Префектуры Тунчжоу. Климат здесь был влажным, леса кишели ядовитыми испарениями, а земли были обширными, но безлюдными — совершенно непригодными для жизни. Император, отправив сюда Чжан Жоюаня, изначально не рассчитывал на его возвращение.

Лишь когда они добрались до ворот резиденции, мелкий чиновник, сопровождавший Чжан Жоюаня, наконец снял с него кандалы.

Слуги, работавшие в поместье, высыпали наружу, чтобы поглазеть на нового хозяина. Места здесь были глухие, до самого императора далеко, и хотя слуги не знали, что именно произошло в столице, они понимали одно: те, кого ссылают в такую дыру, совершили тяжкие преступления.

Они своими глазами увидели, как Третий принц выбирается из повозки: лицо желтое, истощенное, вес резко упал, остался лишь скелет, обтянутый кожей. Его жалкий вид был хуже, чем у простого прислужника, и в глазах людей промелькнуло еще больше презрения.

Тьфу...

И это еще называется принцем? Разве так обращаются с принцами?

Чжан Жоюань слишком долго просидел в повозке. Выбравшись наружу, он почувствовал, как мир перед глазами расплывается, а ноги стали ватными. Он едва не рухнул прямо на глазах у толпы слуг, но, к счастью, Ван Чанцзинь вовремя подхватил его. Под любопытными и насмешливыми взглядами окружающих они вошли в ворота резиденции.

Поместьем давно никто не управлял: во дворе буйно разрослись сорняки, всюду лежали слои сухой пожелтевшей листвы, которую никто не убирал. Повсюду царил запустение. За все время пути им встретились лишь пара-тройка слуг, да и те занимались не работой, а сборищем у азартных игр.

Комнаты тоже обветшали. Стены и балки были затянуты паутиной, на мебели лежал толстый слой пыли. Ван Чанцзинь правой рукой поддерживал Чжан Жоюаня, а левой поспешно смахнул грязь со стула своим изношенным рукавом и тихо сказал: Раб сейчас здесь приберется, присядьте пока, отдохните.

Чжан Жоюань опустился на стул, пребывая в каком-то забытии, словно он только что очнулся от долгого тяжелого сна.

Ван Чанцзинь нашел метелку из перьев и принялся за работу: смахнул пыль, протер все, что требовалось. Эту черную работу он выполнял с самого детства, поэтому действовал невероятно умело. Вскоре комната засияла чистотой и стала выглядеть совсем иначе, будто ее подменили.

Закончив, Ван Чанцзинь побежал на кухню. Там некий слуга по имени Чжу Сы сидел на табурете посреди двора и грелся на солнце. Увидев Ван Чанцзиня, он лишь лениво покосился на него, даже не пошевелившись.

Ван Чанцзинь не обратил внимания и сам развел огонь, вскипятил несколько бочек воды и принялся переносить их в спальню одну за другой.

Разбавив кипяток холодной водой и проверив температуру, он, весь в поту, обернулся к Чжан Жоюаню, который все это время сидел на стуле.

Прошло уже полчаса, как он замер в одном положении.

— Третий принц, пора купаться, — тихо напомнил Ван Чанцзинь.

Чжан Жоюань наконец пришел в себя и посмотрел на него.

Неизвестно, показалось ли это Ван Чанцзиню, но ему вдруг почудилось, что принц словно окончательно пробудился от тяжелого кошмара.

Чжан Жоюань медленно подошел ближе и замер, позволяя Ван Чанцзиню раздеть себя и погрузиться в теплую воду.

Тепло окутало его тело — от бедер до плеч. Он закрыл глаза, сидя в бочке. Вокруг стояла пугающая тишина, лишь шуршание полотенца, которым маленький слуга тер ему спину, немного успокаивало.

В этом полузабытии Чжан Жоюань внезапно осознал многое.

Да что такого в этих бедах? В конце концов, он уже однажды побывал на грани смерти. К тому же, у него остались вопросы, осталась ответственность, а значит, умирать нельзя. Раз нельзя

умирать — нужно жить достойно.

Его отец-император погиб при невыясненных обстоятельствах, мать ждет его возвращения. Ведь до этого отец уже подумывал о смене наследника, и хотя здоровье его было не лучшим, лекари говорили, что он продержится еще год или два. Как же вышло, что он скоропостижно скончался, не успев даже составить указ?

У Чжан Жоюаня были длинные конечности и статная фигура. В норме его тело должно было быть крепким и сильным, но перенесенные страдания превратили его в изможденный скелет.

Неизвестно от жара ли, или еще от чего, но уши и щеки Ван Чанцзиня покраснели. Ему самому стало невыносимо жарко. Когда он тер спину принцу, его пальцы случайно коснулись кожи Чжан Жоюаня, и Ван Чанцзиня словно током ударило.

Чжан Жоюань вздрогнул, издав короткий звук, а Ван Чанцзинь, смутившись, неловко дернул рукой — мочалка выскользнула из рук и упала в воду. Поняв, что причинил господину боль, он в испуге потянулся в бочку, чтобы достать ее, но рука его замерла между бедер Чжан Жоюаня. Уши Ван Чанцзиня вспыхнули еще сильнее.

Когда Чжан Жоюань дернулся, поток воды сместил мочалку, и она оказалась в крайне неловком месте.

Рука Ван Чанцзиня так и застыла между ног принца: ни убрать, ни продолжать движение он не мог.

Чжан Жоюань нахмурился. Он был погружен в свои мысли и не придавал этому значения. Он сам достал мочалку, протянул ее Ван Чанцзиню и нахмурился:

— Продолжай.

Ван Чанцзинь поспешно взял мочалку, поджал губы и продолжил медленно тереть спину.

<http://bllate.org/book/21904/2275529>